

ПРАЗДНИК НА ФОНТАНКЕ

Ленинградскому академическому большому драматическому театру имени Горького — пятьдесят лет. Вероятно, эту дату будет отмечать весь Ленинград. Театр на Фонтанке — любимец города. В этом нет преувеличения.

Я знал притягательную силу спектаклей этого театра и все-таки, недавно побывав в Ленинграде и отправившись на очередную премьеру Большого драматического, — я шел по Невскому, а потом свернул на улицу России и затем на Фонтанку, — был просто ошеломлен количеством людей, осаждавших каждого прохожего с требованием личного билета.

И мне, старому ленинградцу, знакомому и взлеты, и падения Большого драматического, с полным правом, ни на йоту не греша против истины, можно написать, что вторую половину своего века театр встречает в форме повстания завядной, блещущей.

И старое здание театра, принадлежавшее некогда издателю монархическо-верноподданнической газеты «Новое время» Суворину, ныне, как и во времена Блока, Горького и Луначарского, «захватывало» его для революции, служит тем высоким целям, о которых проникновенно говорил Блок, выходя в ту далекую пору перед зрителями, сидевшими в пальто и полушубках.

Древние говорили когда-то, что ум юноши это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который следует зажечь. Это изречение в полной мере можно отнести и к тому новому, что накопляет каждый день нынешнего существования Большого драматического театра. Факел, зажженный пятьдесят лет назад, светит не только Ленинграду, но и всему театральному искусству. И в этом тоже нет преувеличения.

Я любил этот театр смолоду, связан был с ним сначала как зритель, потом как автор. Правда, уже не застал знаменитого его первого периода, отмеченного пиллеровскими «Дон Карлосом» и «Разбойниками» и последовавшими за ними «Макбетом», «Королем Лиром», «Отелло», «Венецианском купце».

Но зато по сей день свежо в памяти и осталось одним из ярчайших воспоминаний театральной юности первое представление лавровенского «Разлома» и Артемий Годун—Монахов, председатель судебного комитета крейсера «Заря», бросающий, к неописанному восторгу зрительного зала, особенно верхних ярусов и галерки, непричесанные слова своего буйного монолога...

Монахов, один из основателей театра, после того как сыграл Яго, Шейлока, Станараля и Гришку Распутина, привел на сцену нового героя — и вызвал невиданный до сих пор подъем в зале.

Это было начало прочной ориентации театра на советскую пьесу, в которой бы действовали не рупоры дуга времени, а живые характеры.

Так пришел сюда «Заговор чувств» и «Три толстяка» Олеси, «После бала» и «Мой друг» Погодина, «Город ветров» Киршона и «Человек с портфелем» Файко.

Время жестоко, и нынешнее поколение уже мало знает о таких выдающихся мастерах театра, какими были в свое время открывавшие его первую афишу Юрьев, Максимов и Монахов. Славу театра составляла долгие годы Лаврентьев, Софронис, Казико, Лариков, Накрягина, Кибардина, Полящико, Грановская... Здесь ставили спектакли Алексей Дикый и Константин Тверской, Илья Шлепянов и Наталья Рашевская, Борис Бабочкин и Григорий Козинцев, Л. Рудяк и А. Солодов. В числе художников были Александр Бенуа, М. Ленин, А. Тышлер, Н. Альбман, Н. Акимов, В. Дмитриев, много спектаклей в последние годы оформляла С. Мандель. Дмитрий Шостакович написал музыку к «Королю Лир»...

Театр пережил трудные годы вскоре после своего возвращения из эвакуации.

Вернулся он в осажденный еще Ленинград раньше всех других театров, и это был большой праздник для города и его защитников. Помнятся успех, выпавший на долю пьесы Александра Крона «Офицер флота», да «Беспокойную старость» Леонида Рахманова, затем театр порадовал премьерой «Бесприданницы», где с блеском дебютировала Н. Ольхина.

Сверкнул спектакль горьковских «Врагов» в постановке Н. Рашевской. С этим благо-

родным именем умнейшей актрисы и серьезного режиссера связано несколько легендарных лет работы БДТ.

Потом в театре наступил период спада. Были случайные удачи, но они именно были случайны, никак не определяя направления театра. Началось в труппе некоторое разочарование...

И самое страшное — театр потерял доверие зрителя.

В сезон 55—56-го годов в театр пришел Г. Товстопогов.

Следом за комедией Жюль «Шестой этаж», в которой за внешней легкостью, будничностью быта режиссер угадал и, главное, вскрыл серьезные и глубокие чувства, обуревающие души героев, Товстопогов ставит философскую драму — притчу Ойстероде «Лиса и виноград». Здесь, в отличие от Жюль, нет никаких деталей быта — режиссер поднимает из оркестровой ямы на сцену быт пущенный и вместе с тем выразительнейшие оформленную сцену участников спектакля, и начинается спектакль-спор, спектакль-диспут, спектакль-размышление.

Произошло чудо.

Та же Фонтанка. Те же фоны у входа в театр. Та же сцена.

И эта тот же, но и — другой. Неравнодушный.

Успех пришел по истинному счету.

Художественный советался с мыслями — и зритель торжествовал.

Театр снова познал великую радость успеха.

Потом была грустная «Синьор Марио пишет комедию», и тончайшей психологической отделки «Пять вечеров», и монументальная «Гибель эскадры», и доведенные до страшной душевной обнаженности «Исклонившие головы», и загадочнейший в души людей, платящий по невидимым, но страшным счетам, «Четвертый», и раздумчивый «Традиционный сбор» — всех не перечислять, хороших спектаклей, все они разные, авторы и того боле, а вот есть некая цельность решения их всех, определяющаяся единым направлением театра. Единым поиском всего его коллектива...

Этот поиск и в прочтении классики — всерьез, глубоко осмысленно и оттого уже не традиционно, но музейно — так был создан «Идиот» со Смоктуновским, «Горе от ума», горьковские «Варвары» и «Мещане».

Не хочется заниматься перечислением, но ведь в короткой статье не скажешь отдельно о прочно вставшихся в ансамбль театра именах, а о каждом можно и должно говорить отдельно и много: Дороница и Лебедев, Лавров и Юрский, Луспекаев и Шарко, Копелян и Макарова, Гай и Басилашвили, Попов, Кузнецов, Панков, Прозван-Соколова, Гаричев и многие другие... А совсем недавно поразила В. Стрельяк своим удивительным и великолепным перевоплощением в роли десятилетнего старьевщика Григори Соломона из «Цены» Артура Миллера.

Драматургам тоже нужны положительные эмоции, не только зрителям или, скажем, артистам. Я призвателен БДТ за его решение моей пьесы «Океан» — в дни двадцатипятилетия снятия блокады я побывал в Ленинграде и был рад узнать, что 26 января в БДТ шел мой спектакль в 316-й раз. Думаю, что многие авторы, чьи произведения поставили за это время театр, — Розов, Симонов, Шолохов, Арбузов, Володин, Радзинский, Корнейчук, Виняков, Думбадзе, Шток — испытали нечто подобное...

В чем же тайна успеха этого театра, так сказать, его «секрет победы»?

Художественность здесь сплетена с идеей, вдохновенность с действительностью, фантазия с профессионализмом, мастерство с непосредственностью.

В этом театре знают, чего они хотят. У художественного руководителя есть программа действий. Труппа верит ему, но и он верит труппе. В этом театре люди работают непрестанно. В этом театре выковыриваются индивидуальности.

Известно, что успех кружит головы, и темечки не выдерживают бремени славы. Мне кажется, во всяком случае, я надеюсь, что в этом коллективе есть верный иммунитет. Он в том невидимом, быть может, порошке, когда каждая премьера — экламен, а каждый рядовой спектакль — премьера...

Александр ШТЕЙН.